

**Ангелы
не
плачут,
а
мстят**

Анастасия Окада

Анастасия Окада
Ангелы не плачут, а мстят

«Автор»

2026

Окада А.

Ангелы не плачут, а мстят / А. Окада — «Автор», 2026

Кристен Мадсен — обычная студентка из Копенгагена. После страшной аварии на мосту она приходит в себя на больничной койке, став единственной выжившей в катастрофе, унесшей жизни двух мужчин, один из которых был ей дороже всего на свете. Но Кристен уверена: это была не авария. За мгновение до трагедии её тело превратилось в оружие, а сама она стала убийцей. Только никто не верит её словам — ни полиция, ни врачи, ни родные. Пытаясь разобраться в произошедшем, Кристен сталкивается с пугающими видениями, чужими воспоминаниями и существом, которое словно живёт внутри неё. Чем глубже она погружается в тайну собственной природы, тем очевиднее становится: смерть её близких была лишь началом. Если Кристен не узнает правду, она рискует потерять не только себя, но и весь мир, который привыкла считать реальным.

© Окада А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Авария на Книпельсбро	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анастасия Окада

Ангелы не плачут, а мстят

Глава 1. Авария на Книпельсбро

«Ты живёшь в этом мире. Страдаешь. Думаешь, это твой ад. Но ошибаешься. Всё, что ты чувствуешь, — лишь эхо того, кто живёт внутри тебя. Ты страдаешь потому, что я нахожусь в твоём теле так давно, что тебе уже не вспомнить момент, когда ты впервые заметила: с тобой что-то не так.

Всё, что ты чувствуешь, всё, что проживаешь, всё, что мучит тебя, — это мир, в котором тебя на самом деле нет. Но ты видишь его с тех пор, как я поселилась внутри твоего тела. С тех пор мы делим его поровну. Словно соседи, обречённые на совместное несчастье, мы устраиваем ад друг другу.

И ты винишь себя, хотя всё это из-за меня. Из-за меня страдает твоя душа. Из-за меня ревёт сердце и мечтает застыть. Ты надеешься, что, покончив с собой, наконец обретёшь покой и перестанешь чувствовать боль.

Чушь.

После смерти ты попадёшь в ад. Но не бойся — из него есть выход.

Смотри. Оба клинка стремительно вылетели из моих запястий и вонзились в тела наших врагов. Я снова спасла твою жизнь. Именно жизнь в этом аду.

В отличие от мира, где ты была прежде, этот мир — настоящий кипящий котёл с ядом. Но я выберусь отсюда. И ты, именно ты, — мой обратный билет».

Едва ли сегодняшнюю погоду можно было назвать хорошей. Копенгаген — город переменчивых ветров и обманутых надежд. Крики чаек будто отпугивали солнечный диск, который прятался за кромкой воды канала и не желал проливать свет на улицы. Казалось, Нюхавн вот-вот утонет в тумане.

Это бесило и без того злого фотографа-любителя, который принялся обвинять свою помощницу Кристен. Когда человек по-настоящему любит своё дело, он не замечает собственных ошибок. Кристен тоже не замечала тревожных сигналов. Она давно влюбилась в него и потому позволяла собой помыкать. Не слишком типично для датских девушек, привыкших знать себе цену.

Но Кристен слишком сильно подпала под влияние Гюстава Андерсона — фотографа-любителя, художника и любовника в одном лице. Его страсть к артхаусу безвозвратно похитила её сердце. Как и то рвение, с которым он хватал свой Nikon и бросался на проезжую часть ради кадра. Иногда машины подходили так близко, что Кристен приходилось вытаскивать его обратно на тротуар.

Ей бы думать о том, как не опоздать в университет и не уснуть на занятиях. Но она встала пораньше, оделась потеплее и покинула свою крохотную, но уютную квартиру на Ховстраден, 62.

Она оставила постель мятой. Не выключила свет в ванной. Почему бы не жить в своём удовольствии, если родители всё оплачивают?

Кристен было пять лет, когда она поняла, что люди, которые её кормят, холят и лелеют, — вовсе не бабушка с дедушкой. Подруги детства дразнили её, но со временем перестали. Общество быстро учит терпимо относиться к чужим странностям.

Семья Мадсен — состоятельные банкиры. Раньше они жили в столице. Вырастив единственную дочь, они оставили ей недвижимость, а сами переехали на запад. Небольшой остров Фане стал новым домом для пожилых родителей, которые уже не поспевали за стремительным ритмом Копенгагена.

Шумная Лонгангсстраде с её бесконечными гей-парадами превратилась для них в непосильную ношу. Как и прежняя квартира. Теперь агентство недвижимости успешно сдаёт её в аренду, а Кристен оплачивает этими деньгами коммунальные счета. Небольшая сумма остаётся и на жизнь.

Но студентам денег всегда не хватает. Поэтому Кристен обращается к мистеру Мадсену, который исправно оплачивает её дополнительную страховку, а иногда присылает и деньги на расходы. Разве старик может отказать любимой дочери?

Привычка чувствовать за спиной безоговорочную поддержку родителей помогает добиваться успеха. Так, в восемнадцать лет Кристен поступила на факультет социальных наук Копенгагенского университета и вместо общежития поселилась в квартире, которая когда-то принадлежала её дедушке по материнской линии.

Увы, мистера Хансена она знала только по старым фотографиям. Они подтверждали, что семья передаёт по наследству не только недвижимость, но и профессию.

Кристен не стала нарушать традицию. Уже второй год она пытается совмещать будущую карьеру и любовь.

О Гюставе Андерсоне родители почти ничего не знают. Они считают съёмки обычным хобби. Кристен не спешит раскрывать все карты, ведь сам фотограф лишь изредка ночует у неё дома. Он всё ходит вокруг да около, перебирает по вечерам гитарные струны на квартирниках, куда когда-то пригласили и её.

Прошло два года. Кристен стала его помощницей, но в постель он ляжет с ней скорее из любопытства, чем по любви. По крайней мере, так мог бы подумать любой наблюдатель.

Сама Кристен думает иначе. Для неё эти чувства — святыня, искра надежды на счастливый брак и будущее, которое она уже давно построила в своих мечтах.

Каждое утро для неё — шанс доказать, что она достойна быть рядом с ним. Ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. Поэтому, стоя на мосту и не обращая внимания на часы, Кристен постоянно оглядывалась.

Из глубины Хольбергсстраде навстречу стремительно приближались фары. В такую рань через мост обычно ездят только коммунальщики. Первые туристы придут поглазеть на гавань около девяти утра. Не раньше. В десять откроются рестораны, и тогда жизнь хлынет на Нюхавн, словно прилив на берег. Загудит экскурсионный понтон, и Гюстав по обыкновению распрощается с Кристен, предоставив ей самой добираться до университета.

То, что она вечно опаздывает, его не особенно волновало. Зато когда очередная машина начинала настойчиво сигналить, он словно специально затыкал уши ватой и продолжал сни-мать.

— Гюстав, уйди с дороги!

Фары стремительно приближались. Если они не уберутся с проезжей части, Кристен первой окажется под колёсами, а следом и фотограф. Но тому будто наскучила собственная жизнь.

Он не сдвинулся с места.

Девушка схватила его за плечо и подтолкнула вперёд. Тридцатишестилетний мужчина всё-таки шагнул на бордюр и оказался в безопасности. Кристен тут же запрыгнула следом.

Машина пронеслась мимо, осыпая их презрительными гудками.

Не прошло и минуты, как фотограф снова вернулся туда, где по-хорошему пешеходам делать нечего. Кристен снова напряглась. Она постоянно смотрела по сторонам и не замечала, как восходит солнце. Её взгляд скользил мимо корабельных палуб, которых здесь было больше, чем жилых домов.

Кристен крутилась по сторонам, словно юла, и жалела, что не выпила кофе. В такую рань забегаловки ещё закрыты, а варить его самой означало потратить лишнее время. Лучше накраситься и уложить волосы. Плевать, что ветер растреплет их через пару минут, словно обломки разбитого судна. Зато на несколько часов ей хватит красоты, чтобы свести его с ума.

По крайней мере, ей так казалось.

— Ещё одна машина!

За последний час мимо них проехало всего пять автомобилей. Для Ньюхавн это были сущие пустяки.

Внезапно на мосту появился полицейский. Он кивком поздоровался и спокойно пошёл дальше. По доброте душевной блюстители закона уже не гоняли их и не читали нравоучений. Гюстав давно сидел у всего города в печёнках. Ещё бы. Его желание снимать превосходило почти все остальные человеческие потребности.

В том числе плотские.

Если бы Кристен не знала его по вечеринкам, кто угодно мог бы решить, что перед ним настоящий монах. Но всё оказалось куда сложнее. Гюстав представился ей человеком, предпочитающим мужчин. И если в начале их знакомства семнадцатилетняя школьница в это верила, то спустя два года поняла — он лжёт.

С тех пор девушка отчаянно пыталась разобраться в этом заговоре. Ей хотелось стать его невестой, родить детей и однажды выйти за него замуж. Но фотограф продолжал упорно доказывать обратное.

У него были другие цели. Он мечтал добиться признания в мире фотографии, а полезные знакомства в этих кругах часто подразумевали весьма своеобразный образ жизни. Даже в постели.

Кристен давно его раскусила. Именно поэтому он держал её чуть ближе, чем следовало бы убеждённому гомосексуалу.

Но об этом — никому ни слова.

— Ещё одна машина!

Наконец Гюстав покинул опасный участок дороги и вообще ушёл с моста. Молча зашагал в поисках нового ракурса.

Светало быстрее, чем Кристен успевала соображать. Она осталась стоять на смотровой площадке над водой. Один шаг — и ледяной канал примет тебя в свои объятия.

Температура последних октябрьских дней заметно упала. Даже шерстяное пальто Chanel плохо согревало заспанную студентку.

Секунды одиночества тянулись бесконечно. Усталые веки на мгновение сомкнулись.

Измотанность наконец взяла своё.

Кристен словно провалилась в сон.

Тьма окутала сознание. Вместо привычного тихого канала она увидела Ньюхавн, охваченный адским пламенем. Мачты рушились в море. Пристань разрывали выстрелы ядерных орудий.

Её руки сами вытянулись вперёд.

Одна ладонь раскрылась.

Выстрел.

Чем именно — она не поняла. Потому что в следующий миг посмотрела на собственное предплечье и увидела не плоть, а механизмы.

Тут её разбудили.

— Эй! Не спи. Замёрзнешь!

Гюстав, как ни странно, улыбался и протягивал ей горячий какао.

Где он раздобыл его в такую рань, Кристен узнает позже.

Сейчас же, вынырнув из секундной дрёмы и хронической усталости, она просто крепче сжала кружку обеими руками, пытаясь согреться и забыть дурацкий мираж.

— Спасибо...

Она едва слышно стучала зубами.

И вдруг почувствовала его руку на своей талии.

— Пойдём. У Антона найдётся что-нибудь горячее.

Дальше она шла почти не замечая дороги. Куда денешься от заветной мечты — быть обласканной этим мужчиной?

Но внимания Гюстава добивалась не только она.

Белоснежная Austin/MG Maestro стояла прямо у пристани. Завидев её владельца, фотограф тут же убрал руки в карманы.

На его шею немедленно повис Антон.

Кристен нарочно отвернулась. Приступ ревности оказался сильнее здравого смысла. Она швырнула недопитый какао в урну.

На неё никто не обратил внимания.

Тогда девушка демонстративно встала на краю пристани. Заревевший двигатель заглушил всё, что говорил её соперник.

Она по-прежнему считала Гюстава своим мужчиной. Его поведение объясняла необходимостью влиться в нужное общество и добиться успеха.

Любой ценой.

Даже ценой самого себя.

И Кристен жила по тому же правилу. Если хочешь быть рядом — делай вид, что тебе всё равно.

Носки ботинок опасно покачивались над водой. Ещё немного — и она сорвётся в канал. Перед глазами снова вспыхнуло бушующее пламя. Руки со встроенным механизмом. Один поворот — и клинок вонзится в шею надоедливому Антону.

Гюстав закричит от ужаса. Будет ругаться. Его очередная сделка рухнет на глазах.

Но для Кристен другого пути не существовало.

Она должна была бороться за его любовь.

И доказать, что сильнее всех.

Сильнее любого мужчины в этом городе.

Когда на душе стало легче от придуманной победы, Кристен зашагала к машине.

Парни уже сидели впереди. Гюстав рассказывал о своих творческих идеях. Его собеседник заглядывал ему в рот так внимательно, что даже не заметил, как девушка устроилась на заднем сиденье и пристегнулась.

— Это Кристен — моя помощница и спасительница! Без неё меня давно сбила бы какая-нибудь легковушка и размазала по асфальту. Я всегда говорю: Крис, если такое всё-таки случится, будь добра сфотографировать инсталляцию, проявить плёнку и распечатать её на билборде.

— Ха-ха-ха!

Антон рассмеялся натянуто. При этом он снова попытался подвинуться ближе к Гюставу, словно хотел согреться в лучах его безумия.

Кристен так и не поняла: владелец Austin — гей или просто идиот без собственного мнения. Это её успокоило. Желание разбить ему лицо постепенно отступило.

Но Гюстав не унимался:

— То, что я снимаю, поедет в Париж. Был на фестивале в прошлом году? Полный отстой!

— Настоящее дерьмо!

Крис, как её любил называть Гюстав, уже перестала злиться. Теперь она видела ситуацию иначе. Фотограф всего лишь искал очередной кошелёк для своих проектов.

Кроме того, он задолжал ей деньги. Причём не как девушке, а как помощнице и администратору.

Бесплатно работают либо болваны, либо мигранты. Либо мечтатели вроде самого Гюстава.

Но точно не Кристен Мадсен.

Не зря же она будущий банкир.

Любовь девушка всегда отделяла от деловых отношений. Как и выпивку — от оплаты труда. Бутылка не зарплата. Максимум чаевые.

Однако Антон, щедро одарив фотографа водкой и жадно наблюдая за его реакцией, похоже, решил иначе.

Гюстав отрицательно замотал головой.

— Я веган и зожник! Я не пью!

Он замахал руками, словно отталкивая подарок.

Очередная невинная ложь только веселила Крис. Она уже оттаяла и почти забыла о сером октябрьском утре за окнами.

Антон снисходительно передал бутылку ей.

— И что мне с этим делать?

— Забирай. Я за рулём.

Антон улыбнулся, явно рассчитывая, что она согласится.

— Спасибо, но...

Девушка отодвинулась подальше.

— Ты не пьёшь водку?

Теперь Антон нравился ей куда больше.

Высокий. Симпатичный. В шапке-ушанке. В смешной куртке из овчины. С голубыми глазами.

Нет, влюбиться с первого взгляда невозможно.

А вот заставить Гюстава ревновать — вполне.

Кристен даже пожалела, что сначала приняла его за полного ублюдка. Она взяла бутылку обеими руками и крепко сжала пальцы на горлышке.

— У нас такое не пьют.

На самом деле Крис тоже умела лгать.

— Мы предпочитаем коктейли.

— Я знаю парочку рецептов.

Антон театрально провёл пальцем по горлу.

— Поехали к тебе, Крис?

Такой поворот сразу насторожил девушку. Ещё пять минут назад Гюстав изображал убеждённого трезвенника. Теперь же внезапно решил устроить вечеринку.

— Мне к девяти на учёбу.

Тон Кристен не оставлял места для споров.

Она вернула бутылку владельцу машины и уже собиралась добираться до университета самостоятельно.

— Тебя подвезти?

Антон уверенно нажал на газ.

Как только на Нюхавн появились первые туристы, автомобиль сорвался с места.

Разговор постепенно стал приятнее.

Крис узнала, что новый знакомый интересуется искусством и всем, что с ним связано. Он приехал из Москвы, искал квартиру и собирался обосноваться в Дании, чтобы заниматься бизнесом.

Но времени на всё не хватало. Как и полезных знакомств.

Гюстав оказался единственным человеком, который охотно принимал его в свой круг.

— Где ты остановился? — из любопытства спросила она.

— Я... живу в хостеле.

В голосе русского слышались одновременно простота и усталость.

— Почему не в отеле?

— Понимаешь, я не смог заселиться. Мне просто не дали...

— Очень жаль.

— Ничего страшного. Зато я люблю готовить сам. Ты пробовала драники?

— Что это?

— Как только найду квартиру, приглашу тебя в гости и покажу.

Крис едва успела попрощаться с новым знакомым.

А потом неожиданно даже для самой себя поцеловала Гюстава в губы.

Едва касаясь языком.

Но достаточно откровенно.

Теперь ей уже не казалось, что любимый готов прыгнуть в постель к первому встречному миллионеру. Антон больше походил на избалованного сына богатых родителей, чем на охотника за мужскими сердцами.

Выпрыгнув из машины, она помахала обоим и пообещала не пропадать.

Через несколько секунд автомобиль вместе с водкой исчез за поворотом.

Поцелуй Гюстава всё ещё горел на её губах.

Она прошла длинные университетские коридоры с высокими потолками и не заметила, как оказалась в аудитории, битком набитой студентами.

Машинально заняв привычное место, Кристен погрузилась в собственные мысли ещё до начала лекции.

Карандаш скользил по бумаге.

Она делала вид, что конспектирует.

На самом деле писала совсем другое.

Меня одну ты истязаеть!

Ты мучишь,

Манишь

И томишь.

И словно лезвие вгоняешь:

Шутишь,

Любишь

И кричишь.

И я люблю — но я не верю!

Не верю я тебе.

Нельзя мне

Верить!

Ты не одну меня терзаешь!

Ты многих манишь,

Ранишь

И готов убить!

— Тебе надо было на литературный поступать.

Шёпот кружил вокруг Крис уже несколько минут, но она не оборачивалась. И без того знала, кому принадлежит голос.

— Отвали, понял?

Звонок прервал её мысли. Кристен уже собиралась исчезнуть раньше, чем её догонят снова, но голос настиг её у самой двери.

— Как там убудок и любитель халявы? Передавала от меня привет?

Теперь наглость перешла все границы.

Кристен обернулась.

Юлиан Расмуссен ухмылялся.

Поняв, что его снова проигнорируют, он мгновенно сменил тон:

— А стихи мне понравились. Если напишешь целый сборник в таком духе, можно даже попробовать податься на Нобелевскую премию. Вряд ли дадут, конечно. Зато станешь знаменитой. В отличие от...

Он осёкся.

Любая колкость в адрес Гюстава обычно заканчивалась одинаково.

Кристен выходила из себя.

На этот раз она сама подхватила разговор.

— В отличие от кого?

Серые глаза внимательно следили за тем, как на щеках бывшего появляется румянец.

Прошло два года после расставания.

А Юлиан так и не научился скрывать эмоции.

Он отвёл взгляд и уставился куда-то поверх её головы. Старый приём. Так он всегда уходил от прямых оскорблений.

В этом обществе не принято открыто демонстрировать неприязнь. Но сейчас даже он уже не мог скрыть раздражение, которое вызывало у него одно имя — Гюстав.

Растрёпанные волосы Кристен, потёкшая тушь, хроническое недосыпание и обветренные губы говорили сами за себя. Для Юлиана всё выглядело предельно просто.

Второкурсница влюбилась во взрослого мужчину.

Причём не в самого удачного.

И сколько бы он ни пытался исправить ситуацию, Кристен неизменно отказывалась его слушать.

— Может, по кофейку?

— Даже не пытайся.

Она исчезла раньше, чем он успел ответить.

Юлиан остался стоять возле двери.

Некоторое время он просто смотрел ей вслед.

Потом задумался, куда она могла направиться.

Кристен убегала каждый раз, когда он пытался заговорить с ней. Казалось, во всём университете не осталось ни одного укромного уголка, который он ещё не проверил. Но она неизменно находила новый.

С каждым месяцем бывшая отдалялась всё сильнее.

Будто никогда его не знала.

А ведь всё началось с одной ошибки.

Одного предательства.

Глупого.

Пьяного.

И теперь между ними лежала пропасть.

Юлиан не понимал почему.

Почему Гюставу позволено жить как угодно и получать прощение снова и снова, а его самого осудили навсегда?

Сколько бы он ни просил прощения, ничего не менялось.

Сердце Кристен давно превратилось в лёд.

Ветер загнал её в ближайшую кондитерскую.

Сбежать от Юлиана оказалось легко. Он наверняка искал её по аудиториям, а она уже давно покинула университет.

Пока готовили пирожное, Кристен перебирала монеты и не спешила никуда идти.

Тем более искать Гюстава.

У неё не было привычки бегать за мужчинами.

Любить — да.

Ждать — возможно.

Но не превращаться в страдальницу, которая требует ответных чувств от человека, упорно убеждающего весь мир в своей нетрадиционной ориентации.

Тем более что Гюстав всегда находил её сам.

Словно чувствовал.

Будто ловил невидимый сигнал.

Так произошло и сейчас.

Дверь открылась.

На пороге появился Гюстав.

Ему потребовалось меньше полуминуты, чтобы заметить Кристен.

Отмахнувшись от официантки, он сразу направился к её столику.

— Кофе, пожалуйста.

Не дожидаясь ответа, он сел напротив.

— Вот ты где.

— А где мне ещё быть?

Хруст круассана прозвучал между ними почти как отдельная реплика.

Кристен продолжила есть, словно надеялась задержать его здесь подольше.

— На Остерброгаде полно других заведений.

Гюстава совершенно не интересовало её пирожное.

Да и вся кондитерская тоже.

Он терпеть не мог сладкое.

— Да?

Крис продолжала шуршать упаковкой и почти не слушала собеседника.

В этот момент дверь снова открылась.
На пороге появился Антон.
Он внимательно осмотрел зал и замер возле кассы, выбирая заказ.
Гюстав заметил его почти сразу.
— Долго ты ещё собираешься здесь сидеть?
Вопрос прозвучал так, будто само пребывание в кондитерской причиняло ему физические страдания.
Кристен отодвинула остатки булочки и недопитый кофе.
Затем накинула пальто и подозвала официантку.
— Можно счёт?
Бессонная ночь уже не так бросалась в глаза. А возвращаться на лекции ей не хотелось совершенно.
Поэтому она решила взять инициативу на себя.
— Куда поедем?

Тот же вопрос задавал Антон с момента, как снова сел за руль.
Его манера вождения не раз заставляла вздрагивать осторожных и законопослушных датчан. В том числе тех, кто сидел рядом.
Пакет с пирожными перекочевал на заднее сиденье и вскоре опустел. Машина кружила по улицам. Разговор оставался лёгким и непринуждённым.
Крис в основном молчала.
— Гюстав сказал, ты сдаёшь квартиру в центре. Где именно?
Нагловатый тон русского наводил на мысль, что он всё-таки приложился к водке. Но пока всё шло спокойно.
— Да. Но сейчас там живут люди. Контракт ещё на полгода.
Это был далеко не единственный подводный камень аренды жилья в Копенгагене, но играть в риелтора Кристен не собиралась.
Зато внимательно следила за приборной панелью.
Стрелка скорости поползла вверх.
Кристен напряглась.
— Нас могут оштрафовать. Точнее — тебя.
Именно в этот момент она встретилась взглядом с Гюставом.
Они одинаково неодобрительно смотрели на Антона.
И вдруг что-то изменилось.
Будто в голове появился кто-то ещё.
Кристен не смогла бы объяснить это ощущение. Но интуиция буквально была тревогу.

Она вцепилась в спинки передних сидений.
Антон продолжал гнать машину и ничего не замечал.
Резкий поворот.
Книпельсбро.
Гюстав обернулся.
Улыбка застыла на его лице.
Кристен перестала чувствовать собственное тело.
По рукам пробежала дрожь.
Ноги налились свинцом.
Она не понимала происходящего.

Рука поднялась сама.
Ладонь устремилась вперёд.
И пробила грудь Гюстава.
Насквозь.
Он умер мгновенно.
Даже не успел изменить выражение лица.
Кристен зажмурилась.
Всего на секунду.
Открыла глаза.
Тело по-прежнему сидело перед ней.
Мёртвое.
Кровь покрывала её руки.
А запястья уже не были человеческими.
Из-под разорванной кожи выступали шестерни, пружины и металлические тяги. Они напоминали одновременно часовой механизм и арбалет.
Шестерёнки бешено вращались.
Что-то внутри щёлкнуло.
Из её запястий вылетели два клинка.
Они вонзились в приборную панель.
Посыпались искры.
Электроника умерла мгновенно.

Антон даже не успел вскрикнуть.
Лезвие выскочило между костяшками её пальцев.
Один удар.
Голова слетела с плеч.
Кристен смотрела на это с тем же ужасом, что и любой другой свидетель.
Словно убийцей была не она.
А кто-то другой.
Кто-то, живущий внутри неё.
Но времени на осознание уже не оставалось.
Машина потеряла управление.
Автомобиль ударился о перила моста.
Металл завизжал.
Следующий удар выбросил Кристен наружу.

Она не поняла, как успела отстегнуться.
Не поняла, как вообще оказалась за пределами салона.
На долю секунды перед глазами снова мелькнуло тело Гюстава.
Потом асфальт.
Удар.
Кувырок.
Ещё один.
Она поднялась на ноги и бросилась к краю моста.
Внизу расходились круги.
Автомобиль уже уходил под воду.
Слишком быстро.
Слишком глубоко.

Кристен не кричала.
Не могла.
Всё происходящее казалось дурным сном.
Она моргала снова и снова.
Безрезультатно.
Тогда девушка закатала рукава пальто.
Запястья были на месте.
И одновременно — нет.
Механизмы продолжали двигаться.
Шестерни вращались.
Пружины натягивались.
Словно оружие готовилось ударить снова.
Вокруг уже останавливались машины.
К мосту бежали люди.

Кристен быстро спрятала руки в карманы.
Её всё равно осматривают.
Полиция.
Врачи.
Следователи.
Кто угодно.
Но сначала она сама хотела понять одну вещь.
Как она убила Гюстава?
Кто-то встроил оружие в её тело задолго до этого дня.
От локтя до кончиков пальцев.
Оно всё время скрывалось под кожей.
Она ничего не знала.
Ничего не подозревала.
И совершенно не понимала, зачем носит внутри себя этот уродливый механизм, будто созданный в другом столетии.
Вой сирен заставил её поднять голову.
Скорая.
Пожарные.
Полиция.
Дальше события распались на отдельные обрывки.
Лица.
Крики.
Мигающий свет.
Потом темнота.
Кристен потеряла сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.